

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Т.А. Мордасова
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: модель благотворительной деятельности, институализация благотворительности в современном российском обществе, концепция содействия развитию благотворительной деятельности, благотворительность как фактор самоорганизации и общественного участия.

Key words: model of charitable activity, instutualization of charity in terms of the modern Russian society, assistance to the development of charitable activity, charity as a factor of self-organization and social participation.

Общественное участие является значимым элементом в системе политического управления современного российского общества. Это понятие, которое используется для обозначения широкого спектра процедур, обеспечивающих институтам гражданского общества возможность влиять на решения государственных, муниципальных или коммерческих организаций, затрагивающих их интересы. Функциональная характеристика управления позволяет четко определить его предметную область. В сфере политического можно абстрактно выделить как иерархические, вертикальные отношения, так и горизонтальные отношения независимых субъектов. Первые – это политическое управление, вторые – это политическая самоорганизация, т.е. в первом случае предметная область локализуется в государстве, а во втором – в гражданском обществе [12].

В процессе демократизации политического управления сфера действия общественности постоянно расширяется, поскольку институты гражданского общества формируются в результате самоорганизации граждан и представляют собой, прежде всего, предпосылки эффективной реализации тех инициатив, на базе которых они возникают. Среди причин их появления в том числе бездействие властей или неспособность государственных структур результативно решать общественно значимые проблемы. Важно, чтобы институты гражданского общества не воспроизводились политической системой в целях собственной легитимации, а возникали спонтанно из повседневной практики общественной деятельности. Однако участие в политическом управлении институтов гражданского общества требует соответствующих условий и ресурсов. В противном случае общественные формирования оказываются в роли «просителей» поддержки у власти и бизнеса, которые зачастую воспринимают взаимодействие с общественностью как вынужденную необходимость, а не как эффективный механизм социально-экономического развития конкретной территории.

Что меняется в системе общественного участия в процессе экономической и социально-политической трансформации постсоветской России? Насколько существующая институциональная система власти и утвердившаяся практика способствуют развитию институтов гражданского общества? Ответить на данные вопросы невозможно без анализа специальных механизмов и технологий, обеспечивающих формирование у реальных и потенциальных участников процесса культуры политического самоуправления, и, что не менее важно, без характеристики сложившейся модели благотворительной деятельности, поскольку общественный характер данных институтов предполагает опору на волонтерство и благотворительность. В основе этой модели должна быть активная финансовая поддержка гражданских инициатив, отрегулированные взаимоотношения государства и благотворителей, прагматичные инвестиции в решении социально значимых проблем местного сообщества.

Рассматривая процесс создания и развития некоммерческого сектора в современной России, необходимо подчеркнуть реальную зависимость гражданского общества от ресурсов и участия других общественных сфер, поскольку некоммерческие организации по-прежнему стимулируются к развитию в большей степени извне, реагируя на предложения со стороны государства или бизнеса. Складывается ситуация, при которой власть проявляет интерес к НКО как партнерам в обеспечении модернизации страны, но при этом условия развития благотворительной деятельности в России и отношение к ней государства, бизнеса и населения автоматически ограничивают возможности участия в данном процессе. Отождествлять состояние гражданского общества только с деятельностью третьего сектора, безусловно, нельзя, но именно некоммерческие общественные организации обеспечивают реальное общественное участие в институциональной среде российской публичной политики. Более того, взаимодействие внутри этой сферы, построено исключительно на базе разделяемых ценностей и интересов, а не на логике увеличения экономических или политических ресурсов (логика бизнеса и логика власти). Для них главное не сила и влияние, а сотрудничество и межсекторное взаимодействие при реализации социальных программ в интересах целевых адресных групп.

Если сравнивать российскую практику взаимоотношений государства и гражданского общества в вопросах благотворительности с мировой, складывается обманчивое впечатление сходства, поскольку похожесть форм скрывает содержательные различия. Так, к числу бесспорных доминант российского массового сознания относится представление о государстве не только как о политико-правовом, но и социальном институте, непосредственном участнике экономических отношений. Именно государству приписывается определяющая субъектная роль в благотворительной деятельности. Согласно данным, полученным в рамках мониторинга состояния гражданского общества в России, по мнению каждого второго участника опроса в нашей стране благотворительной деятельностью, в первую очередь, должно заниматься российское государство. При этом на вопрос о том, кто реально занимается благотворительностью в России, 28 % респондентов вообще затруднились ответить [5].

В зарубежных же странах укоренилось совсем иное понимание о благотворительности, исключающее государственные структуры из числа субъектов, поскольку в основе создаваемых ими общественных благ не добровольные пожертвования, а налоговые отчисления. Благотворительное сообщество создано из частных фондов и благотворительных организаций, масштабы деятельности которых позволяют заполнить пробелы в предоставлении необходимых услуг населению. Более того, вопросы конкурентоспособности, эффективности и масштабов неприбыльного сектора, как часто называют некоммерческие общественные организации, являются постоянным предметом социологических исследований, а статистические сведения о нем активно используются различными властными структурами при разработке и принятии управленческих решений, касающихся социально-экономического развития страны [9].

Представляется, что феномен российской благотворительности, как относительно новый объект внимания при анализе современных процессов развития гражданского общества, также должен стать центральным. Это важно, поскольку благотворительность как процесс развития отношений между государством, социальными институтами и гражданами, с одной стороны, и между социальными группами, с другой, дает представление не только о позиционировании сторон по отношению друг к другу (принимающей поддержку и предоставляющей ее), но и технологиях и процедурах, направленных на развитие самоорганизации и общественного участия в политическом управлении. Кроме того, это позволит понять, почему наиболее разделяемым подходом в социальных теориях является позиционирование гражданского общества по отношению к государству, а не к экономической сфере и бизнесу, и почему именно сложившаяся модель благотворительной деятельности предопределяет не только специфику взаимоотношений государства и гражданского общества, но и, как следствие, стратегию дальнейшего развития некоммерческих общественных организаций.

Процесс институализации благотворительности в современном российском обществе имеет свою историю и специфику. У специалистов пока не сложилось единого мнения относительно основных характеристик данного явления [2], поэтому одной из ключевых проблем исследований благотворительной деятельности до сих пор остается слабо разработанный понятийный аппарат и связанные с этим разночтения в понимании самого явления. Во многих случаях это приводит к неоправданному сужению или расширению предмета исследований. Вместе с тем сегодня уже можно выделить ряд этапов в изучении теории и практики российской благотворительности, что позволяет выявить тенденции развития филантропии, определить характер отношения к ней населения, представить социальную модель благотворительной деятельности как фактор развития институтов гражданского общества.

Возросший интерес к направлениям благотворительности и ее поддержке со стороны государства начинается во второй половине 90-х гг. XX в. Первоначально речь шла о социально ориентированной экономической деятельности как проявлении ответственности бизнеса перед обществом и властью. Вследствие разрыва между уровнем доходов различных социальных групп, неспособности государства проводить эффективную социально-экономическую политику, слабости структур гражданского общества бизнес должен был с помощью благотворительности, спонсорства и меценатства реагировать на решение острых социальных проблем. Властные структуры активно использовали ресурсы бизнеса для поддержки социальной сферы, снижения социальной напряженности в обществе. В итоге благотворительность вернула себе общественно-историческую значимость и стала важной составной частью взаимоотношений в системе «власть – бизнес – общество».

Однако это не превращало социальную ответственность бизнеса в социальный институт, основанный на принципах рациональности и эффективности. Кроме того, развитие российского бизнеса имело свою специфику, что сказывалось и на процессе его общественной легитимации, и на преодолении негативных стереотипов по отношению к предпринимательству со стороны общества и государства. Необходимо было переходить к новым формам и технологиям межсекторного взаимодействия. Впервые интерес к концепции межсекторного социального партнерства был проявлен при реализации в 1994–1995 гг. проекта «Социальное партнерство» [5]. Исследования, в основе которых договорные начала, показали разгосударствление социальной сферы [10]. Кроме того, очевидным становился ответ на вопрос о том, почему в межсекторном социальном пространстве российского общества наиболее распространенным является взаимодействие двух секторов социальной системы: власти и бизнеса, бизнеса и некоммерческих организаций, власти и общественных организаций. Это объяснялось свойствами социально-экономического пространства, изменениями в системе политического управления, проблемами корпоративной идентичности бизнес-сообщества, особенностями внутрисекторного развития некоммерческих общественных организаций и т.д.

Неслучайно принципиальным аспектом дальнейшего анализа становится характеристика особенностей развития каждого участника межсекторного взаимодействия, определение его потенциала и реальной ресурсной базы. В июне 2001 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция «Социальные исследования благотворительности в современной России», которая, по сути, впервые в постсоветский период поставила задачу системного исследования современной благотворительности и стала отправной точкой программы «Благотворительность в России как социальный институт: история и развитие». По замыслу организаторов конференция должна была дать возможность знакомства и диалога специалистам, работающим в разных научных отраслях, и экспертам некоммерческих организаций, осуществляющим собственные прикладные исследования.

Важным этапом в осмыслении проблемы становится также выступление Президента РФ В.В. Путина в декабре 2003 г. на заседании Правления Российской торгово-промышленной палаты, в котором социальная ответственность бизнеса рассматривалась как основной принцип его деятельности. Речь шла о том, что любое противоре-

чие между частным интересом бизнеса и общественным должно разрешаться в пользу общества, частью которого бизнес является. Бизнес есть и будет одним из главных игроков на поле формирования публичной политики. Поэтому ответ на корпоративистский вызов должен состоять не в стремлении удалить этого игрока с поля, а в том, чтобы поставить его в рамки демократических правил игры, соблюдение которых контролируется государством и гражданским обществом. Результатом такого подхода станут новые взаимоотношения между властью, бизнесом и обществом, основанные на использовании современных социально-экономических и политических механизмов совместной деятельности. Бизнес начнет ассоциировать себя с местным обществом самостоятельно, без «напоминаний» со стороны властных структур искать возможности решения социально значимых проблем. При этом подчеркивалось, что речь пока может идти только о начальном этапе реализации данной стратегии, так как бизнес нужно учить устойчивости, балансу коммерческих и общественных интересов, эффективным социальным программам.

Дальнейшему развитию партнерства между социальными субъектами – государственными, негосударственными и коммерческими организациями – в реализации благотворительности способствовала также созданная в структуре Общественной палаты Российской Федерации комиссия по развитию благотворительности и совершенствованию законодательства о НКО. Ключевым направлением в работе Комиссии в 2006–2009 гг. стало продвижение инициатив, нацеленных на совершенствование законодательных условий для осуществления благотворительной и добровольческой деятельности в России. Выступая на Всероссийском форуме «Общество, благотворительность и национальные проекты» в апреле 2006 г. Д.А. Медведев отметил: «Сегодня в стране работают уже более 5 тыс. благотворительных организаций и фондов... они обогащают общественную жизнь России, работают на развитие гражданского общества. Напомню также о норме нашей Конституции, статье 39, в которой прямо говорится, что в России поощряется благотворительная деятельность» [3].

Для реализации данного подхода Комиссия по развитию благотворительности и совершенствованию законодательства о НКО совместно с Министерством экономического развития РФ разработала закон о целевом капитале некоммерческих общественных организаций, вступивший в действие в 2007 г. Это механизм для долгосрочного развития социальной сферы за счет благотворительных средств, который позволяет, несмотря на сложную экономическую ситуацию, внедрять в российскую практику фонды-эндаументы. Более того, в 2008 г. Комиссией были представлены предложения для разработки законопроекта, предусматривающего расширение источников формирования и пополнения имущества целевого капитала некоммерческих общественных организаций за счет недвижимости и ценных бумаг. Принятие такого законопроекта дает возможность действующим в настоящий момент 45 эндаумент-фондам не только сохранить капиталы в условиях экономической нестабильности, но и увеличивать их. Еще одним важным направлением в работе Комиссии по развитию благотворительности и совершенствованию законодательства о НКО стали инициативы по совершенствованию системы государственной отчетности некоммерческих организаций, которые преследовали две цели: снижение издержек их функционирования и формирование условий для широкого внедрения публичной отчетности.

Чтобы стимулировать внедрение данного процесса в практику благотворительности, с 2007 г. в партнерстве с Форумом доноров и Центром развития некоммерческих организаций проводится ежегодный Всероссийский конкурс годовых отчетов НКО «Точка отсчета». Данная инициатива поддержана многими регионами Российской Федерации, что приводит к заметному росту числа участников конкурса. В 2009 г. в нем приняло участие 23 донорских и 96 некоммерческих организаций. С целью продвижения идей корпоративной благотворительности Комиссия инициировала создание номинации «Лучшая программа (проект), способствующая развитию культуры благотворительности в обществе» в рамках ежегодного конкурса «Корпоративный донор России».

Накопленный опыт поддержки благотворительной деятельности и ее реальная практика закономерно приводят к тому, что в 2008 г. по инициативе благотворительного сообщества впервые в стране разрабатывается Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации. Документ представляет консолидированную позицию участников благотворительной деятельности и государства по вопросу о приоритетах и первоочередных мерах, требующихся в данной области. По мнению экспертов, основными направлениями сегодня являются систематизация законодательства в области благотворительности; развитие инфраструктуры деятельности; популяризация филантропии и добровольчества среди широких слоев населения; развитие саморегулирования сектора (включает повышение прозрачности, выработку профессиональных и этических стандартов и т.д.). Предметом научного изучения становится анализ технологий благотворительности как способов взаимодействия социальных групп и процесс адаптации социальных институтов к требованиям благотворительности. Актуальность для обсуждения представляют четыре темы: бизнес и благотворительность; общество и благотворительность; некоммерческие общественные организации и фонды как благотворительные институты; государственная политика и благотворительность. Действительно опыт России и зарубежных стран показывает, что уровень развития благотворительности напрямую связан с уровнем развития гражданской свободы и инициативы в стране, а некоммерческие организации можно считать центрами институализации этой гражданской активности.

Квалификация благотворительной деятельности как поддержки гражданских инициатив предполагает анализ контекста, в котором субъекты деятельности ее рассматривают. Соответственно предметом внимания должна стать не только характеристика объектов благотворительности, субъективная оценка ее опыта, но и мотивационная сфера деятельности (выявление установок на благотворительность) и, как следствие, анализ предпочитаемых способов оказания благотворительной помощи, экспертиза институционального потенциала субъектов благотворительности. В этом отношении интерес представляют результаты социологических исследований, проведенных Центром исследования гражданского общества и некоммерческого сектора Государственного университета – Высшей школы экономики в рамках мониторинга состояния гражданского общества в России [4].

Так, прямым показателем самовыражения и самореализации граждан является уровень вовлеченности в добровольчество. Как показывают исследования, для российской практики благотворительности – это серьезная проблема. Почти треть населения (32 % респондентов) за последние 2–3 года несколько раз добровольно и безвозмездно трудились на благо других людей; 9 % россиян занимались этим постоянно и 7 % – лишь однажды. При этом каждый четвертый респондент высказал мнение, что сегодня люди занимаются добровольческой деятельностью больше, чем 10–15 лет назад. Каждый пятый оценил нынешний уровень вовлеченности в добровольчество примерно таким же. В то же время по представлению трети респондентов, добровольческая деятельность сегодня заметна меньше, чем 10–15 лет назад [5]. Отвечая на вопрос, почему ничего не делали на благо других людей на безвозмездной основе, 42 % респондентов не могли указать конкретную причину; каждый пятый (20 %) сослался на собственные проблемы; на отсутствие свободного времени указали 18 % опрошенных; 6 % вообще не видят в этом смысла. Однако интересно распределение ответов на вопрос «Что может побудить таких людей как Вы, участвовать в добровольческой деятельности?». По мнению 30 % опрошенных может побудить стремление помочь нуждающимся; 26 % отметили в качестве стимула гарантии результативности такой деятельности; 17 % уверены, что в основе добровольчества может быть желание отплатить добром за добро [5].

Распределение ответов россиян относительно денежных пожертвований практически совпадает с ответами о добровольческой деятельности. 11 % помогали деньгами нуждающимся людям (в том числе просящим милостыню); 32 % оказывали такую поддержку от случая к случаю; 5 % лишь однажды за последние три года сделали

благотворительные пожертвования, а 49 % ни разу не оказывали такую помощь. Для сравнения в США индивидуальные пожертвования в совокупности образуют наибольшую долю в общем объеме пожертвований, причем их величина сохраняется в течении последних 40 лет. По международным сопоставлениям на основе методологии проекта «Индекс гражданского общества CIVICUS» доли населения, делающего денежные пожертвования, Россия находится на 27 месте наряду с Вьетнамом, уступая Гане и Сербии [8].

Важно отметить, что для корректировки ситуации в 2009 г. комиссия по развитию благотворительности и совершенствованию законодательства о НКО инициировала исследование и общественное обсуждение вопросов развития новых механизмов для сбора частных пожертвований с использованием коммуникационных технологий, мобильной связи, банковских и небанковских платежных терминалов. Предложения по поддержке благотворительности и совершенствованию законодательства в связи с внедрением этих механизмов для сбора пожертвований направлены в Государственную Думу, Министерство финансов РФ, Министерство экономического развития РФ и Центральный банк Российской Федерации.

Интересна и оценка доверия населения к российским и зарубежным благотворительным организациям и их взаимоотношениям с государством. Каждый третий респондент считает, что более половины жертвователей занимаются благотворительностью, чтобы добиться популярности, обеспечить себе пиар, а 13 % – что таковы цели почти всех пожертвователей. По мнению 31 % населения, более половины благотворителей используют эту деятельность как способ улучшить свои связи с чиновниками во властных органах; по мнению 19 % респондентов, почти все жертвователи через благотворительность решают проблемы своего бизнеса. Что касается доверия к иностранным благотворительным организациям, то у большинства опрошенных появляется склонность к негативным суждениям. Так, 44 % респондентов не считают, что их деятельность способствует развитию демократии и становлению гражданского общества в стране. 30 % опрошенных разделяют мнение о том, что эти организации созданы для прикрытия шпионской деятельности. 36 % респондентов считают, что иностранные благотворительные организации не приносят ни вреда ни пользы, поскольку они занимаются собой, а для большинства граждан их деятельность не важна и не заметна. Для завершения картины важна и оценка позиции, которую по мнению опрошенных, должно занимать государство по отношению к благотворительной деятельности. 40 % респондентов не смогли дать какой-то определенной оценки; 10 % населения высказали мнение, что не существует последовательной государственной политики в отношении благотворителей. Однако те респонденты, которые уверены в поддержке государством благотворительности, акцентируют внимание на создании условий для благотворительной деятельности (53 %), предоставлении налоговых льгот (36 %), моральном поощрении (31 %).

Представленные данные позволяют выявить ряд существенных характеристик сложившейся в российском обществе социальной модели благотворительности. Причем можно говорить о ней с точки зрения возможностей для развития институтов гражданского общества и их участия в политическом управлении и ограничениях, которые объективно заложены в модели для данного процесса. Прежде всего, речь должна идти о формировании культуры участия в благотворительной деятельности и продвижении идей благотворительности в общественном сознании. С этого должно начинаться содействие некоммерческим организациям в деле развития благотворительной помощи для реализации социально значимых гражданских инициатив. Причем, если государство на сегодняшний момент серьезно занимается созданием организационно-правовых условий для такой деятельности, то, например, СМИ должны приложить усилия для того, чтобы привлечь через информирование и рекламу внимание потенциальных благотворителей к деятельности третьего сектора и, как следствие, оказать позитивное влияние на повышение гражданской активности населения, закрепляя положительный образ благотворительной деятельности.

Интерес представляет также популяризация реального опыта по развитию благотворительного потенциала местного сообщества, общественной поддержки гражданских инициатив, участия некоммерческих общественных организаций в политическом управлении. Перечисленные направления совместной деятельности государства и институтов гражданского общества позволяют решить проблему недоверия населения к благотворительности бизнеса и роли благотворительных организаций в этом процессе. Следует обратить внимание и на восприятие населением взаимоотношений государства и благотворителей. Важно, что прослеживается прямая зависимость между негативными суждениями о мотивах жертвователей как иностранных, так и российских, и невысокой оценкой значимости структур гражданского общества. Благотворительность, общественное участие и перспективы социально-экономического развития территорий в массовом сознании не имеют причинно-следственных связей. Хотя не власть, а именно характер активности населения, в том числе благотворительной, предопределяют атмосферу совместной деятельности в реализации стратегии общественного развития страны.

Таким образом, ключевым фактором, ограничивающим квалификацию благотворительной деятельности как института поддержки гражданских инициатив, является неподготовленность в равной степени власти и общества к переходу на новые отношения. Государство понимает, что благотворительность при всей ее специфике, с одной стороны, является по своей сути финансовым ресурсом, которым возможно и, более того, необходимо управлять; с другой стороны, не акцентирует внимание на том, что именно уровень вовлеченности в благотворительную деятельность является показателем самовыражения и самореализации граждан, фактором развития институтов гражданского общества, общественного участия в политическом управлении.

Процесс институализации благотворительности в современном российском обществе должен быть предметом специального теоретического анализа. К сожалению, до сих пор в перечне российских научных специализаций и периодических изданий отсутствуют *philanthropy studies* (исследования филантропии), которые в мире давно признаны особым научным направлением.

Библиографический список

1. *Александров, Д.* Системная благотворительность: инвестиции в человека / Д. Александров. – СПб. : Top-manager, 2001. – 347 с.
2. *Апресян, В. Г.* Филантропия: милостыня или социальная инженерия / В. Г. Апресян // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 51.
3. *Медведев, Д.* Национальные приоритеты. Статьи и выступления / Д. Медведев – М. : Европа, 2008. – 435 с.
4. *Мерсиянова, И. В.* Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности / И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон. – М. : Изд. дом ГУ ВПШ, 2007. – 170 с.
5. *Мерсиянова, И. В.* Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения / И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. – С. 6–7 ; 38 ; 45–46 ; 49.
6. *Мерсиянова, И. В.* Фонды местных сообществ в России / И. В. Мерсиянова, Л. И. Солодова. – М. : Изд. дом ГУ ВПШ, 2009. – 165 с.
7. *Останин, Б. В.* Благотворительность в России как социальный институт: история, становление, развитие / Б. В. Останин. – СПб. : Лики России, 2003. – 640 с.
8. *Стивен, Р. Блок.* Неприбыльный сектор США: правовая основа, масштабы, конкурентоспособность, эффективность / Р. Блок Стивен, В. Н. Якимец. – М. : ЛКИ, 2008. – 304 с.
9. *Толмасова, А. К.* Социальный заказ в регионах России: проблемы и перспективы / А. К. Толмасова. – М. : САФ Россия, 1998. – С. 149.
10. *Шабров, О. Ф.* Политическое управление: понятие и методологические аспекты исследования (материалы методологического семинара) / О. Ф. Шабров // Моделирование в социально-политической среде. – 2008. – № 1 (2). – С. 78.

11. *Шувалова, Н.* Благотворительность в зеркале общественного мнения. Обзор исследований / Н. Шувалова. – М. : Форум доноров, 2009. – 135 с.
12. *Якимец, В. Н.* Межсекторное социальное партнерство: теория, механизмы, технологии, практика / В. Н. Якимец. – М. : ТАСИС, 2004. – С. 4.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ТРАДИЦИИ ПАТЕРНАЛИЗМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.И. Оськина
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: гражданское общество, патернализм, гражданин, политическая культура, традиция, феномен, легитимация, либерально-демократические ценности.

Key words: civil society, paternalism, citizen, political culture, tradition, a phenomenon, legitimation, liberal-democratic values.

Патернализм представляет собой многогранное и многоаспектное явление. С исторической точки зрения анализа понятия «патернализм» – явление прошлого. Однако современные реалии позволяют нам утверждать, что множество новых социально-политических явлений в России при ближайшем рассмотрении оказываются «патерналистскими». Кроме этого можно обнаружить множество свидетельств, демонстрирующих определенную патерналистскую традицию в выстраивании властных отношений, в их образном (идеологическом) оформлении, в организации разных сторон социально-политической жизни [2]. Причем следует подчеркнуть: речь идет о традиции непрерывной, но видоизменяющейся в зависимости от господствующих социокультурных и экономических укладов. В процессе социально-политической трансформации России патернализм приобретает особые очертания, увеличиваются его масштабы, расширяются функции. Именно этим и объясняется новый виток интереса к «патернализму» целым рядом гуманитарных наук.

В научной литературе сложился достаточно широкий спектр подходов, изучающих «патернализм» как специфическое явление или некоторые его аспекты. Это породило множественность трактовок, несходство определений и специфическое маргинальное существование в научных парадигмах.

Так, в Российском энциклопедическом словаре «патернализм» ассоциируется с опекой старшего по отношению к младшим, осуществляемой как отдельными индивидами, так и целыми странами. В энциклопедии «Британика» «патернализм» описывается в политических терминах как система, при которой управляющие должны удовлетворять потребности управляемых и контролировать их поведение. В популярном Вэбстерском словаре «патернализм» определяется как «способ управления страной, подобный отеческому попечению над детьми». Приведенные определения наглядно показывают, насколько широким и разнообразным является понимание данного термина даже в энциклопедических изданиях, которые по своему жанру тяготеют к однозначности. Его смысловое наполнение включает и наиболее общие взаимоотношения между сложными составными субъектами, как, например, государство и частные случаи властных и производственных взаимоотношений, и непосредственные межличностные, частные взаимодействия. Такой разброс объясняется, прежде всего тем, что авторы при составлении словарной статьи «патернализм» опираются на концепты, сформулированные в разных научных областях гуманитарного знания, в разных научных дисциплинах [2].

Патернализм в ряде исторических, социологических и антропологических работ описывается как патрон-клиентские отношения. Появление двух обозначений одного явления в данном случае связано с расстановкой познавательных акцентов. Используя термин «патернализм», исследователи характеризуют, прежде всего, способ со-